

Читайте у Рейчел Гиллиг:

Цикл «Король-пастух»:
«Одно темное окно»
«Два сплетенных венца»

Цикл «Королевство Каменного родника»:
«Рыцарь и мотылек»
«Луна и Плут»

РЕЙЧЕЛ ГИЛЛИГ

ЛУНА И ПЛУТ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г47

Rachel Gillig

THE KNAVE AND THE MOON
(The Stonewater Kingdom, Book 2)

Copyright © 2026 by Rachel Gillig

Cover design: © Alexander Kopainski using illustrations by © Anna Moshak (cover motif, aizelkonart.com) and © Alessandra Fusi (frame, alessandrafusi.com); Sprayed Edges: © Alexander Kopainski

Перевод с английского языка *Елены Николенко*

Иллюстрация на форзацах *Patrisiya*

Гиллиг, Рейчел.

Г47 Луна и Плут / Рейчел Гиллиг ; [перевод с английского Е. Николенко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-247820-8 (оф. 1)

ISBN 978-5-04-251631-3 (оф. 2)

Собор Ашлин пал. Вещих богов больше нет, и король рад предложить народу новую веру. Связав себя и последнюю Провидицу узами брака, он сможет защитить государство от спрайтов.

В честь свадьбы монарха объявляют рыцарский турнир, победа в котором сулит горы золота и овладение реликвиями Вещих богов. Сибил поклялась во что бы то ни стало уничтожить пережитки Ашлина, но, смертельно раненная, не может участвовать в состязаниях.

Вместо Провидицы готов биться неизвестный. Он ничего не помнит о себе и презирает веру, но ради Сибил готов сам стать богом.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-247820-8 (оф. 1)

ISBN 978-5-04-251631-3 (оф. 2)

© Николенко Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Тем, кто смотрит на мир с отчаянием.
Поверьте: в нем есть еще место надежде.
Есть еще место любви.
Иначе и быть не может.*

Конец истории

Ты знаешь эту историю, Бартоломью, хотя и не целиком. Поведаю ее, уж как сумею, и клянусь говорить честно. А если не выйдет, что ж — сгодится и так. История, думается мне, — это своего рода представление. Странное, переменчивое зрелище. То, с какой стороны на него взираешь, и определяет его смысл — и не мне решать, можно ли считать веру, внушенную зрелищем, подлинной.

Давным-давно на поле, заросшем кострецом, лежало нагое существо, а вокруг расцветала жизнь. Разум существа наполнился мудростью, конечности наливались силой, сердце билось спокойно. Существо смотрело на луну, а луна смотрела на него, и они были едины: вечно меняющиеся, всегда неизменные.

Но мир не остался прежним. Созданию, которое никто не знал по-настоящему, начали поклоняться, а затем возжаждали его присвоить. Из уст в уста передавались легенды, и вдруг народ этой земли возомнил, что имеет право на саму жизнь существа. Прошло не так уж много времени, и жизнь у существа отняли. Плоть съели, кости раскололи, кровь жадно выпили. Существо жалобно закричало, плач, напоминающий

печальную мелодию, подхватил ветер и с тех пор носит по Трауму. Существо не оставалось ничего, только лежать смирно и ждать.

И грезить.

Прости. Мне тоже не хочется возвращаться к этой части истории, Бартоломью, но придется. Познать мир — в какой-то мере и оплакать его, ведь что такое на самом деле прошлое, как не предзнаменование? И если я утаю от тебя то, что мне известно...

Все может и повториться.

Глава первая

НОЧЬ, КОГДА ПАЛ АШЛИН

Ни молотка, ни резца при мне больше не было — лишь пустые руки, запятнанные кровью.

Рыцари усадили меня на коня и увезли с холма. Мы промчались по дороге в ложине, по тому туннелю из деревьев и колючек, и наделали столько шума, что совы с перепуганным уханьем разлетелись прочь. По моим доспехам хлестали ветки. Тропа, будто темный зев, заглотила наш отряд и выплюнула посреди полей, усыпанных пестрыми палатками.

Огни Ярмарки Коулсона не горели. Копыта лошадей загрохотали по дороге — земля и трава сменились булыжной кладкой, а потом и деревянным настилом подъемного моста.

Впереди возвышался замок.

Пурпурные штандарты трепетали на ветру. Отряд пересек подъемный мост, во внутреннем дворе рыцари спешили, двое схватили меня за руки. Ссадить меня с лошади им удалось не без труда. Мы зашагали к входу в замок, и стражники у ворот расправили плечи. Дозорные были в шлемах и кольчугах,

вооружены небольшими копьями с наконечниками в виде листьев — такие копья легко метать, и длина их подходит для ближнего боя.

— Провидица, — прошептал стражник, когда я шла мимо.

— Она в крови, — заметил другой. — Позвать лекаря, ваше величество?

— Нет. — Король шагнул вперед, расстегнул наручи и скинул их на булыжники, которыми был выложен двор. — Это не ее кровь.

Он направился в замок. Я окликнула его:

— Бенджи...

Он не обернулся.

— Бенедикт!

Златокудрая голова короля поникла, однако он упрямо уставился вперед, лишь негромко бросил какому-то рыцарю:

— Отведи ее в покои, о которых мы говорили.

Врата замка Лурихт с грохотом распахнулись.

Довольно быстро я заблудилась в его запутанных, точно лабиринт, закоулках. Множество поворотов, лестниц, доспехов, выцветших пурпурных ковров; к тому же рыцари, что сопровождали меня, шагали слишком быстро. Бенджи я давно потеряла из вида, вместе со стражниками мы прошли сначала по одной лестнице вверх, потом по второй, третьей, затем по приставной, через люк, по длинному коридору и...

У меня перехватило дыхание. Мы оказались у железной двери высотой до самого потолка. С той же необратимой уверенностью, с какой понимаешь, что тебя сейчас вырвет, я догадалась, где нахожусь.

— Сюда?

— Так велел государь, — ответил страж. — Увести куда-нибудь подальше от чужих глаз. Ради вашей безопасности.

Мои спутники отперли дверь и втокнули меня внутрь.

— Мы будем тут рядом, Провидица, — сказал второй стражник. — Если что-то понадобится.

Я молча уставилась на него, и он наконец не выдержал. Дверь закрылась. Ее заперли.

В длинной пустой комнате воздух был спертый. Она располагалась на самом верху замка, куда снизу поднимался пар от купален и прачечных, через крышу просачивалась сырость дождя, в помещении царили холод и влажность, деревянные половицы прогибались под ногами, словно живая плоть.

Мебели здесь не оказалось совсем, на полу виднелись волглые пятна. Ни тебе камина, ни факелов, свет давало лишь зарешеченное окно на южной стороне. За ним мерцал голый серебристый перст месяца, чье сияние притушила облачная пелена.

Я выглянула в окно. Когда облака сгустились, окончательно заслонив месяц, я размяла запястья, потом плечи и зашла кашлем.

— Стража!

За дверью загремели шаги. Я наклонилась, упершись ладонями в колени, и словно воровка припала к замочной скважине. По ту сторону мелькали три тени.

Я закашляла громче — задыхаясь, с хрипом.

— Прошу... Мне дурно. Воды!

Ключ вошел в замок, заскрежетало железо. Отворилась дверь, за которой стояли три стражника с копьями, я покачнулась и на нетвердых ногах шагнула вперед...

И рубанула первого воина ребром ладони под подбородок. Его голова запрокинулась.

Он ахнул, зашатался, потом, запутавшись в собственных ногах, упал как подкошенный. Второй

страж попытался поднять шум. Колено врезалось ему в пах, локоть — в челюсть, и вот он уже с хрипами и стонами присоединился к товарищу на полу. Третий успел занести копье, но я мигом перехватила его руку, заломила ее за спину, и он вскрикнул:

— Прошу! Не бейте меня...

— Брось оружие.

Он послушался. Хотя я и не стала подбирать валявшееся на полу копье, он отдал мне ключ так покорно, словно я приставила острый наконечник ему к горлу.

— Топай в комнату. И приятелей захвати.

Кого за руки, кого за ноги — стражник по очереди затащил стонущих товарищей в мое узилище, бормоча при этом что-то вроде молитвы Ловкому Разбойнику. Я, хохотнув, вставила ключ в замок, а стражник посмотрел на меня полным ужаса взглядом.

— Провидица...

— Здесь было его логово. Ловкого Разбойника. — Мой смех затих, тело пробрало ледяным ознобом. — Но больше он тебя не услышит.

Я захлопнула дверь, заперла замок и бросилась бежать.

Когда-то я ступала на цыпочках по холодным каменным плитам собора Ашлин, боясь породить даже слабое эхо. Теперь же мои сапоги грохотали по полу, доспехи лязгали — я заявляла о себе, не скрываясь и полагаясь лишь на мощь своего тела.

Я бежала во мрак, топая по тому же полу, по которому ходил Ловкий Разбойник, этот гнусный зверь — Вещий бог. Сегодня ночью тем же путем следовало новое божество, и, если все пойдет, как задумано, зверь еще более лютый:

Я.

Куда мне идти, я понятия не имела, знала только одно: надо спускаться.

Откинув люк, я пробралась по приставной лестнице вниз, затем преодолела еще два пролета ступенек и вдруг очутилась в самом сердце замка, где воздух был холоднее, факелы горели ярко, стены были богато убраны, а ковры пестрели затейливыми узорами. Меня все это не трогало, я скользила взглядом от стены к стене, но не любовалась украшениями: я искала некий знак.

Верный знак.

Пролет, второй — я спустилась еще ниже. Где-то вдалеке слышались голоса, замок жил полной жизнью, несмотря на поздний час. Вскоре я вышла в коридор — здесь занавеси были шире, плотнее, роскошнее, более глубокого оттенка пурпура. Даже пахло приятнее — ароматами жареного мяса, приправленного травами и цитрусом. Все эти признаки указывали, что я добралась куда нужно.

А еще — тут была стража.

В дальнем конце коридора у золоченой двери расхаживала пара караульных при оружии. Вид у них был рассеянный, они лениво бродили туда-сюда, тербя кожаные перевязи. Поначалу. Потом я вышла вперед, шагая так тяжело, что стены задрожали, факелы подскочили, а портреты в рамах дрогнули.

Стражники тут же вытянулись во фронт, до побелевших костяшек вцепившись в древки копий.

— Кто идет? — спросил стражник слева от двери.

— Где король? — поинтересовалась я вместо ответа.

— Уже отдыхает. О... Провидица.

Они вытаращили на меня глаза, первый так разинул от удивления рот, что мелькнули темные провалы на месте пары выбитых зубов. Второй, видимо, тоже лишился дара речи, так истово вглядывался он мне в глаза, что у него самого навернулись слезы.

— Откройте дверь, — велела я им.

— Вам опасно здесь разгуливать, — возразил второй стражник. — Король распорядился запереть вас наверху, вам не положено бродить по замку без присмотра. Давайте-ка мы отведем вас обратно...

— Немедленно. Откройте. Дверь.

Первый страж стал возиться с замком, руки не слушались его, будто вместо них у него отросли копыта, но вскоре дверь робко, словно крышка музыкальной шкатулки, приоткрылась. Стражники отпрянули в сторону, с благоговением и страхом взирая на меня — так всегда в Королевстве Каменного родника смотрели на Провидиц.

Я ступила в королевские покои.

Внутри в большом очаге догорали угли, едва освещая обстановку. Я с трудом разглядела резную мебель, стены с искусной лепниной и зеркало высотой с меня и вдвое шире. Я прошла мимо, и в отражении блеснули мои серебристые волосы и доспехи — будто луна показалась на небе, блеклое пятнышко света среди вездесущей непроглядной тьмы.

Слышала я лишь стук собственного сердца, но тут из кровати, такой огромной, что сошла бы и для медведя, донеслись слабые всхрапы. Прерывистое дыхание.

На постели спал Бенедикт Кастор Третий. Золотистые волосы после мытья потемнели от вла-

ги, глаза плотно сомкнуты. Как я и думала, спал король, свернувшись калачиком, будто прятал от опасности беззащитный живот. Бенджи был без сорочки, из-под стеганых одеял виднелось голое плечо, кожу покрывали мурашки. На миг мне отчего-то захотелось укрыть мальчишку, подоткнуть бережно одеяло.

Вместо этого я его содрала.

Король вздрогнул, еще сильнее съежился и распахнул глаза.

— Кто здесь?

Я склонилась над ним, точно змея над гнездом с хрупкими голубыми яйцами.

— А ты как думаешь, Бенджи?

Тот на мгновение расслабился и сразу же словно окаменел.

— Ты меня напугала. Твои глаза. Я подумал, ты...

— Вещий бог?

Он сел, крепко прижимая к себе одеяло.

— Как ты сюда попала?

— Взяла и пришла.

Бенджи медленно запустил руку под подушку.

— Ты убила стражников?

— Они довольно быстро присмирели.

В комнате совсем не осталось света. Последний уголек в королевском камине погас.

— Чего ты... — Голос Бенджи дрогнул. — Чего ты хочешь, Провидица?

— Чтобы ты посмотрел мне в глаза. В последний раз.

Он послушался, и я увидела, что в яркой синеве глаз Бенедикта Кастора скрывается целый мир. При мне не было ни молотка, ни резца, чтоб разрушить этот мир, лишь моя скорбь, моя ярость, и потому прямо с окровавленными руками неотвратимо, как змея, которая бросается на гнездо...